

Сергей Юров

*Под спудом
тайны*

Сергей Юров

Под спудом тайны

«Автор»

2022

Юров С. Д.

Под спудом тайны / С. Д. Юров — «Автор», 2022

Конец августа 1830 года. Глубинка Тамбовской губернии. В роще сельца Нижняя Абловка обнаружен труп гувернера, уроженца Франции. Штабс-ротмистр Хитрово-Квашнин отправляется расследовать таинственное убийство. Осмотр места преступления показывает, что простые люди к гибели гувернера не причастны. Подозрение падает на местных помещиков, Вельяминовых, Карицких, Потуловых и других. На следующий день в той же самой роще обнаруживается еще один труп. Расследование обещает быть непростым.

© Юров С. Д., 2022

© Автор, 2022

Сергей Юров

Под спудом тайны

ГЛАВА 1

Отставной штабс-ротмистр Хитрово-Квашнин, сидя в столовой своего петродарского дома за кружкой утреннего чая, рассеянно поглядывал в окно. Яркие лучи августовского солнца насквозь пронизывали зеленый шатер сада, освещая ветви, отягощенные крупными спелыми плодами. Аромат аниса лился через открытую форточку, наполняя комнату дивной свежестью.

Пригубив горячего напитка, хозяин перевел взгляд на обновленные обои и выбеленный потолок. Особняк, подаренный ему борисоглебским помещиком Охлябининым за возврат похищенной табакерки, претерпел существенные изменения. Починке подверглись камин, полы, стены, крыша.

– Такой ярко-красной железной кровли не найти ни на одном доме на Дворянской! – проговорил он не без гордости в голосе.

В голове закружились мысли о сохранении урожая яблок, о его переработке, когда в наружную дверь постучали. Лакей, впуская гостя, громко объявил:

– Николай Павлович Сабо!

Через секунду в дверях столовой возникла широкоплечая фигура в мундире артиллерии поручика. В Петродарской округе тридцатитрехлетний дворянин появился недавно. Женившись на дочери бывшего капитана-исправника Варваре Николаевне Черновой, он в короткое время сумел заслужить доверие дворянства и сам занял должность земского исправника. Хитрово-Квашнин высоко оценивал его деятельность, считая, что энергия потомка венгерской знати идет только на пользу делу обеспечения законности и порядка. Убеждение это зиждилось не на пустом месте. С месяц назад Сабо распутал дело о поножовщине в лодыгинском питейном доме, усмирив волнения однодворцев села Воскресенское, изловил двух беглых солдат в юго-западной части уезда, регулярно очищавших подвалы и амбары в имениях Прибытковых, Писаревых и Квашниных-Самариных.

– Приятного аппетита! – хрипло проговорил гость, осторожно касаясь пальцами шеи.

– Спасибо! Что это с вами, милостивый государь, никак прихворнули?

– Вчера квасу ледяного приказал подать, и вот, пожалуйста, – все горло обложило! – Он прижал ко лбу тыльную сторону ладони. – Да и жар, кажется, приличный... Повезло, что вы в Петродаре, Евстигней Харитоныч, не то пришлось бы отправлять посыльного в Харитоновку. Мне сказали, что вы прибыли сюда вчера под вечер. Какие-нибудь дела надумали свершить?

– Пристала нужда снять копию с купчей на землю, а заодно проследить за сбором урожая яблок и груш. Присаживайтесь! Чаю?

Сев на ближайший стул, Сабо поблагодарил хозяина и отрицательно покачал головой.

– Я к вам по делу. Только что из Нижней Абловки в земский суд нарочный примчался, вся лошадь в мыле! В тамошней владельческой роще дворовые девки помещика Аблова, собирая грибы, наткнулись на мертвое тело!

Хитрово-Квашнин вскинул брови и широко перекрестился.

– Это в той Нижней Абловке, где куча дворянских усадеб, в том числе и ваша?

– Верно. Наряду с моим гнездом там имения Аблова, Вельяминова, Карицкого, Чернова, Болотовых, Матвеевских, Потуловых. Труп обнаружен на стыке земельных полос Аблова, Вельяминова и Чернова. Убитый – Жан-Ив Сирро, пленный француз, оставшийся в России после баталий 1812 года. Вы с ним знакомы? Как-нибудь виделись?

– Слышал о нем, но не имел чести знать.

– Он в гувернерах все подвизался, учил отпрысков наших дворян французскому, танцам, приличным манерам. Со временем обрусел, в церкви Малого Самовца православие принял. Настаивал, что б его Иваном Ивановичем Серовым величали. Долгое время состоял гувернером у Карицких, создал у них в имении небольшой крепостной театр, давал уроки танцев супруге Романа Ивановича Вельяминова. Последние месяц-два был гувернером у Черновых. Сегодня рано утром пошел по грибы, и вот, убит!.. Завидев мертвое тело, девки бегом бросились к своему барину. Аблов – в рощу, да и усмотрел там, что беднягу закололи либо в яростном возбуждении, либо из мести: грудь покойника ножом вся истыкана, живого места нет!.. Кстати, Филипп Елизарыч человек сведущий в нашем деле, два срока сряду служил капитаном-исправником в одном из волжских уездов.

– Да, помню, какое-то время он жил вдали от петродарской округи.

Сабо помолчал немного и с надеждой в глазах коснулся руки хозяина дома.

– Евстигней Харитоныч, а теперь о главном. Я сильно простужен, один заседатель, Зацепин, ногу не то сломал, не то сильно повредил, другой, поручик Иванов, – три дня в пьяном угаре по городу шатался, еле призвали к порядку, третий – необстрелянный юнец. Будьте отцом родным, поезжайте с временным отделением нижнего земского суда в нашу глушь и помогите Иванову провести предварительное расследование. У вас опыт, знания, вон как разобрались с убийствами в Отраде и здесь, на Дворянской! Можете Аблова привлечь к расследованию, с его-то опытом. Нарочный утверждает, что он выставил стражу у места злодеяния и послал за понятыми. Да, услуга ваша мною будет оплачена, скажите сколько?

Хитрово-Квашнин нахмурился.

– Стыдитесь, Николай Павлович! Какие деньги?!

– Прошу прощения!

– Хм-м, говорите, грудь покойника сплошь покрыта ножевыми ранами?

– Повторяю, живого места нет! Мне думается, бедный француз кого-то взбесил не на шутку!

– Кого же, по-вашему?

– Вы имеете в виду моих соседей?.. Думаете, что кто-то из дворян совершил преступление?.. Не знаю, что и сказать. По должности я все больше тут, в Петродаре, или в разъездах по округе. Сами знаете, Евстигней Харитоныч, каково нам, земским исправникам, приходится! Сегодня в одном углу уезда, завтра в другом, послезавтра в третьем. Деревенские сплетни почти не доходят до меня.

Хитрово-Квашнин потрогал пальцами левой руки кончики усов.

– Выходит, в расследовании ваши обязанности будет исполнять Иванов, этот запойный пьяница?

Отставной поручик со вздохом развел руками, на его лице мелькнула тень неудовольствия.

– Больше некому, вот ведь какая штука! Сказал, что поедет в Нижнюю Абловку и исполнит свой долг. Но я ему не верю, не тот человек, чтобы ему верить.

– Что уездный стряпчий Кучин, надзирающий за нижним земским судом?

– Савва Афанасьич и предложил обратиться к вам за помощью!

– В самом деле?.. А штаб-лекарь Вайнгарт оповещен?

– Уже собирается! Только что от него.

Хозяин дома задумчиво понаблюдал за шумной возней воробьев в саду, за тем как белобокая сорока, сев на сухую ветку и покачав прямым и длинным, с зеленым отливом хвостом, разразилась отрывистым стрекотом.

– Что ж, я согласен, – с расстановкой проговорил он. – Раздам дворовым распоряжения – и в путь! Да, третий заседатель, ну юноша этот, кто он?

– Корнет Беклемишев, племянник Николая Степановича Беклемишева, проживающего в вашем бывшем особняке на Дворянской...

– Все ясно... Говорите, Ардалион Зацепин ногу сломал? И как же это его угораздило?

– Якобы вчера с крыши рухнул в погоне за каким-то ослушником из дворовых людей. Зачем его туда занесло?

– Вот ведь колготной человек! Могила его только исправит.

– Соболаговолите ехать в конном экипаже земского суда, Евстигней Харитоныч?

– В собственной бричке вместе с Вайнгартом. Уездный штаб-лекарь, надеюсь, просветит меня о житье-бытье нижеабловских помещиков.

– Несомненно! – прохрипел повеселевший гость. – А копию с купчей мы выправим вам в уездном суде в два счета... Да, чуть не забыл, в тех краях пошаливает Аким Кручина. Не так давно откололся от банды Колуна с двумя или тремя последователями. По ночам в помещичьи усадьбы наведывается, днем на больших дорогах проезжих купцов да мещан грабит. Я пробовал с воинской командой изловить стервецов в болотных низинах при Самовце, не вышло. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!.. С нахрапа их не взять. Разбойники в тех местах все тропки вызнали. Исчезают, в случае опасности, без следа, как дождевые пузыри в мелких лужах.

– Буду иметь это в виду.

Временное отделение земского суда выехало из Петродара еще до полудня. В возглавлявшей обоз коляске сидели заседатели Иванов с Беклемишевым и секретарь Соболевский, в бричке – штабс-ротмистр Хитрово-Квашнин и штаб-лекарь Вайнгант, замыкающим экипажем была крытая рогожей телега, в которой разместились двое подканцеляристов, Попов и Дьячков. Передние экипажи ехали почти бесшумно, плавно покачиваясь на рессорах, телега же громыхала и тряслась, будто ее знобило. Подканцеляристы вынуждены были придерживать свисавшие с шеи оловянные чернильницы и без конца поправлять съезжавшие с голов фуражки.

Подумав о старшем заседателе, Хитрово-Квашнин усмехнулся. Долговязый поручик с глубоко запавшими глазами и крючковатым носом, поджидая поутру у порога Управы благочиния Сабо и Кучина, старался выглядеть бодро, однако опухшее лицо и выражение тревоги в глазах говорили о нешуточном похмелье. Не ускользнула от внимания его неряшливость – мундир лоснился и был сильно помят, на жилетке виднелись рыжие пятна.

В трезвенниках Иванов никогда не значился. В молодости полугарное вино хлестал ведрами, не пьянея, теперь, когда ему перевалило за сорок, пил меньше, но запоем, длившимся несколько дней. И в подпитии, и в трезвом виде характер его практически не менялся. Тощий старший заседатель был злым на язык, любил поворчать, не терпел критики. Узнав, что Хитрово-Квашнин будет участвовать в расследовании, громко хмыкнул и что-то пробормотал себе под нос. Стряпчий Кучин погрозил ему пальцем и строго-настрого предупредил: «В Нижней Абловке за воротник не закладывать, не дурить, прислушиваться к мнению Евстигнея Харитоныча!»

Остались позади колокольни петродарских церквей, больших однодворческих сел Студенки и Сокольское. Конкретный разговор об абловских помещиках и жертве возник в бричке, когда обоз переправился через реку Воронеж и выехал в степь, в коей после недавних ливней пахло свежестью и хлебами.

– Бывал я в Нижней Абловке в последнее время, и не раз, – говорил штаб-лекарь с едва заметным акцентом. На голове уроженца Австрии красовалась сдвинутая на затылок офицерская шляпа, одежда состояла из темно-зеленого сюртука с серебряными пуговицами, голубой жилетки и светлых панталон; на ногах красовались ботфорты. – Полгода назад, в феврале месяце, там случился падеж скота. Пришлось неделю жить в имении Карицких. Месяц спустя выехал туда, чтобы произвести вскрытие крестьянина, свалившегося в нетрезвом виде в

крутой овраг. А в начале июля три дня провел в имении Вельяминовых, пользуясь лекарствами впавшего в жестокую горячку Романа Ивановича...

Врач умолк из-за грохота повозки, быстро нагонявшей обоз. Оба дворянина посмотрели назад и узрели на извозчике поручика Зацепина. Тот что-то кричал, азартно вскидывая руки.

– Митрофан, приостанови-ка лошадей! – приказал своему кучеру Хитрово-Квашнин.

Отпустив извозчика, прихрамывая и приглаживая растрепавшиеся волосы, поручик с озорным видом подскочил к бричке.

– Хотели уехать без Ардалиона Зацепина? – сказал он, разглаживая рукой свой мундир. – А он как снег на голову! Вот, стоит перед вами!

– Да ты ж, вроде бы, ногу повредил, друг мой, – ухмыльнулся штабс-ротмистр. – С крыши, говорят, рухнул.

– Ерунда! Так только, зашиб немного... Да этот Петрушка, поваренок треклятый, во всем виноват! Ведь ясно, кажется, сказал ему готовить яйцо всмятку, ну, или хотя бы в мешочек, так он, паршивец, вкрутую подал. Еле проглотил, забери его холера! Ну и погнался за подлецом, а он, не будь дурнем, наутек да по стволу вяза на крышу. Я – за ним, но не удержался и полетел вниз. Благо упал на клумбу, не то все ноги бы переломал!.. Не стану вас теснить, в судейскую коляску сяду.

С этими словам Зацепин пошел в голову обоза, но скоро вернулся.

– К черту, этого Иванова! Задушил перегаром, остолоп!.. Придется лезть в телегу.

Хитрово-Квашнин не стал звать его в бричку. Ничего, этот непоседа и егоза еще ох как надоест! Откинувшись на спинку сидения, он вынул из кармана пенковую трубку с янтарным мундштуком и набил ее табаком. На нем были нестроевой темно-синий мундир с голубой жилеткой, серо-синие панталоны и сапоги с короткими голенищами. Форменная уланская фуражка лежала рядом.

– Вы знали убитого француза? – спросил он, раскуривая трубку с помощью английских серных спичек и кусочка наждачной бумаги.

– Разумеется, – кивнул штаб-лекарь, достав расписанную эмалью табакерку. – Все это время Сирро жил в Нижней Абловке. Эх, пообещал зимой дать уроки танцев моим дочерям. Увы, этого уже никогда не случится.

– Он из дворян?

– Из тех, что обеднели в конце прошлого века. Перед компанией 1812 года служил в одном из полувоенных ведомств.

– В каком звании попал в плен?

– В чине старшего вахмистра драгунского полка. Ближайших родственников у него не осталось, родители уж давно отошли в мир иной, сестра скончалась от чахотки.

– Каким был француз, в смысле внешности, нрава?

– Высокого роста, темно-каштановые густые волосы до плеч. Темпераментный, безусловно. Не выносил однообразия и скуки: организовал у Карицкого, большого поклонника Мельпомены, небольшой крепостной театр, создал хор из более или менее талантливых крепстьян. Стал ставить вместе с помещиком спектакли, умело учить людишек пению. Вспоминается любопытный случай в связи с этим. Как-то Карицкий, которому медведь на ухо наступил, при отборе певцов с чувством затянул одну из известных итальянских арий. Сирро, не разобрав, кто поет, замахал руками и отчаянно запротестовал: «Ça suffit! Chantra pas!.. Chantra pas!..»[1] Разве не смешно?! Карицкого с тех пор местные помещики называют не иначе, как Шантропой. Заглазно, конечно, но тот, вне всяких сомнений, знает об этом. Кстати, Жан-Ив пописывал эпиграммы на тамошних дворян. Вот по памяти одна из них на Карицкого:

У Шантропы идет отбор,
Пение крестьянское,

Сам запел, слезу утер,
Ведь песня итальянская!

– Занесу-ка остроумное четверостишие в блокнот... А про других помещиков можете вспомнить?

– Записывайте.

Озвучив несколько ярких эпиграмм, штаб-лекарь продолжил рассказ:

– Живя в уезде, француз пристрастился к тихой охоте – стал заядлым грибником. Уходил в рошу и редко возвращался с пустыми руками. Знал каждый гриб, не то, что некоторые. Я о козловском помещике Баранове, грибнике-любителе, сварившем себе супчик из опят и бледной поганки. Как он умудрился сорвать ядовитый гриб, до сих пор непонятно... Беда в том, что поганка коварна, съевший ее не сразу понимает, что попал в смертельный переплет. Помещик почувствовал себя плохо часиков через десять после обеда. У него закружилась голова, ухудшилось зрение, появились признаки сильной жажды, судорог, беспамятства, наконец. Грибы он собирал, надо сказать, будучи в гостях у своего родственника в нашем уезде. Когда я приехал к нему, было уже поздно. Яд настолько глубоко проник во все члены, что он умер в присутствии священника, который приехал соборовать его... А Сирро очень, очень жаль, ему было не больше тридцати пяти.

Штаб-лекарь вздохнул и задумался, перебирая серебряные пуговицы на форменном сюртуке. Хитрово-Квашнин выпустил клуб дыма и произнес:

– Сабо обмолвился о разбойничьей шайке, действующей в том районе. Вы что-нибудь знаете о ее главаре?

– Имею некоторое представление. По словам капитана Рахманинова, отдыхавшего в начале лета на нашем курорте, Аким Кручина был крепостным козловского помещика Ознобишина. Нагрубил ему, был жестоко наказан и забрит в рекруты. В 12-м году воевал, попал в плен к французам, сумел бежать, после службы вернулся в родные места. А там снова дел натворил – избил гувернера, да так, что тот едва выжил, остался навек инвалидом. Получив основательную порку на конюшне, улизнул из имения и осел в нашем уезде, в шайке Стеньки Колуна.

– Каков из себя?

– Высокий, худой, лет сорока.

Хитрово-Квашнин понаблюдал за плавным полетом коршуна над полем и снова завел разговор об убитом.

– Если Сирро имел привлекательную внешность, покладистый характер, тогда почему он так долго оставался в холостяках?

– Копил деньги, мечтал жениться на дворянке. Все присматривался к небольшому имению на границе с Козловским уездом неподалеку от Дубовки. Оно ему нравилось – не очень большое, привлекательное, с деревянным особнячком и деревянным же флигельком. Желание его понять можно: некоторые из пленных французов благополучно осели в южных уездах и зажили жизнью русских помещиков.

– Есть такие и в Подмосковье... А что Абловские дамы, они симпатизировали Сирро?

– Несомненно. – Штаб-лекарь открыл табакерку, взял щепоть табака и с удовольствием втянул в нос. – Высокий, гибкий, обходительный он не мог им не нравиться. На дворянских застольях все они почти открыто строили ему глазки.

– Он кому-то из них отдавал предпочтение?

– Тут двух мнений быть не может – Анфий Саввишне, супруге Романа Иваныча. – Врач громко чихнул, извинился и вытер платочком проступившие слезы. – Вы видели ее?

– Нет, как-то не довелось.

– Редкая красавица, поверьте!.. Где и когда она познакомилась с Вельяминовым?.. На Петродарском курорте лет шесть назад. В тот сезон затмила всех дам на Водах. Вскружила головы многим отдыхающим, в том числе Аблову, Вельяминову, братьям Потуловым, молодому Чернову. Ну, а сердце свое отдала Роману Ивановичу. Взаимная любовь! Осенью того года и сладилась их свадьба! У них родилась очаровательная дочка, суший ангелочек! Вельяминов как в матери, так и в дочке, души не чает.

– Откуда она прибыла к нам?

– Кажется, из Калязинского уезда, что в Тверской губернии.

– А как же Вельяминов относился к тому, что француз и его жена уделяют друг другу внимание? Не ревновал?

– На мой взгляд, ревновал. Он, конечно, не из тех людей, что хватаются за шпагу или пистолет при легком женском флирте, но прослыть рогоносцем не готов... Могу точно утверждать, Вельяминов не очень хорошо относился к тому, что Анфия Саввишна принимала участие в спектаклях, поставленных Сирро и Карицким. Помню, по ходу какой-то пьесы она поцеловала в губы главного героя, которого играл француз. Так у Романа Ивановича в глазах блеснули столь недобрые огоньки, что мне стало несколько не по себе.

– Хм-м, а что с этим у других дворян?

– Если и есть среди них ревнивы, то свою страсть они держат в тайне.

Штабс-ротмистр задержал взгляд на крестьянах, неторопливо возившихся в поле. Один из них разогнул спину, приставил ладонь к глазам и долго присматривался к проезжавшим экипажам.

– Яровую рожь убирают, осень недалече... У меня тоже дома страда, мужики каждый день с серпами на поле... Да, помнится, Роман Иванович слыл англومانом.

– О, и сейчас почитает все английское, подражает жителям Туманного Альбиона даже в мелочах...

Со стороны хвоста обоза вдруг послышались хлопки выстрелов и воронье карканье. Птицы взмыли в воздух и тучей закружились над желтым полем.

– Что, черт побери, там происходит? – воскликнул Хитрово-Квашнин, хмуря брови и оглядываясь.

Кучер, привстав на козлах, первым разобрался, что к чему.

– Эх-ма, барин Зацепин по воронам стреляет! Да так ловко!.. Вон, вон одна в воздухе кувыркается!.. Вон другая!

– Есть ли в этом какой-нибудь смысл? – недоуменно пожал плечами Вайнгарт. – Или это просто блажь?

Хитрово-Квашнин встал во весь рост и погрозил Зацепину пальцем.

– Отыскал развлечение, шустро!

Он снова сел, закинул ногу на ногу и, пуская облачка дыма, перевел разговор на другие темы, в частности, на проблему незаконных лесных порубок и устранение чересполосицы. Через два с половиной часа езды Митрофан, в полудреме клевавший носом, встрепенулся, расправил плечи и громко объявил:

– Подъезжаем!.. Абловская роща завиднелась!

[1] Довольно! Петь не будет!.. Петь не будет!..

ГЛАВА 2

Южный конец рощи, поросший дубами и березами, примыкал почти к самой дороге. Из-под тени деревьев навстречу обозу вышел среднего роста, широкий в плечах человек, дымивший пенковой трубкой. Он был в картузе, охотничьем двубортном кафтане до колен, шароварах и сапогах. Загорелое лицо его с высокими скулами, крупным носом, пышными усами и резко очерченной линией рта выглядело несколько уставшим. Это был местный помещик Филипп Аблов, чья дворянша поутру и обнаружила смертоубийство.

– Наконец-то! – проговорил он, вынув трубку изо рта. – Вас, господа, не дожدهсь!

Служащие нижнего земского суда с облегчением оставили покрытые пылью экипажи и стали разминать затекшие члены. Иванов, отирая пот со лба, недовольно процедил:

– Никто вас ждать не уполномочивал! В случае нужды за вами бы послали.

Аблов повернулся к нему и окинул неприветливым взглядом.

– Вы, что ли, здесь за главного, поручик?

– Я, прошу любить и жаловать!

– А где ж капитан-исправник?

– Я не обязан перед вами отчитываться!.. Что за допрос?.. Сабо болен, довольны?

Помещик сунул трубку в рот, попытался ею и ухмыльнулся.

– М-да, ничего не напишешь, придется иметь дело с вами... Хм-м, кажется, штаб-лекарь выбирается из брички. А кто это с ним?.. Вот те на, Евстигней Харитоныч!.. Теперь понятно, кто будет вести настоящее расследование!

Старший заседатель сжал губы и сердито прищурил глубоко запавшие глаза. Аблов отвернулся от него, обменялся рукопожатиями с прибывшими дворянами и, помянув недобрым словом жаркую погоду, взглянул на Беклемишева, молодого отставного корнета с загорелым лицом и голубыми глазами.

– Сегодня видел твоего сослуживца, того, что живет под Ивановкой. Узнав, что ты приедешь сюда в составе временного отделения суда, передал тебе привет.

– Спасибо, загляну к Пахомову при случае.

– А как там твой дядя, Володя?

– С ним все в порядке, пребывает в добром здравии.

– Вернешься в Петродар, кланяйся Николаю Степанычу.

– Непременно, Филипп Елизарыч, будьте покойны.

Похлопав корнета по плечу, Аблов окинул всех равнодушным взглядом и сухо обронил:

– Пожалуйте к месту злодеяния, господа. Оно недалече, в каких-нибудь двухстах саженях отсюда.

С конца обоза послышался шум бегущих шагов. Немного прихрамывая, к месту сбора стремительно неслась поджарая фигура. Спустя секунду, зацепившись ногой за торчащий из земли сук, она со всего маху зарылась в высокую траву.

– Бог мой! – поморщился Аблов. – Что ж так лететь-то?.. Кто это, вообще?

Упавший мгновенно принял вертикальное положение и с горящими глазами добежал-таки до цели.

– Я это, Филипп Елизарыч! Не узнали?.. Рад вас видеть!

– А-а, господин Зацепин, – покачал головой Аблов, пожимая протянутую руку. – Куда ж вы неслись во все лопатки, точно угорелый?

– Дык, ищи вас потом, свищи!

– Заблудиться боялись?.. Ну, это вы зря. Роща у нас не ахти какая густая, не то что, скажем, бор у Петродара... Тоже приехали с убийством разбираться?

– А то! Без меня тут ничего путного не выйдет!

– Бахвалилась кобыла, что воз с горшками побила! – фыркнул Иванов, косо взглянув на Зацепина. – Лучше на мундир взгляните, весь загваздан!

Отмахнувшись от старшего заседателя, как от надоедливой мухи, Зацепин стряхнул с кителя пыль и травинки, поправил фуражку и направился вместе со всеми вглубь рощи.

Солнце позднего августа пробивалось сквозь листву лучистыми потоками, золотя стволы и кустарник. Приятно пахло травами. Вверху щебетали птицы, носились прозрачные стрекозы, жужжали пчелы. Через какое-то время показалась небольшая поляна, или, скорее, прогалина, заполненная дюжиной крестьян. Чуть поодаль жались к стволу раскидистой березы две молоденькие девицы. Понятые тут же расступились, давая дорогу приезжим из уездного центра.

Бывший драгун наполеоновской армии, облаченный в темный сюртук, голубую жилетку и серые панталоны, лежал в тени березы с раздвоенным стволом. Бледное узкое лицо со щегольскими усами было обращено к безоблачному небу, руки раскинуты в стороны. Сюртук на груди и жилетка были сплошь перепачканы кровью. Рядом валялись лукошко с рассыпавшимися грибами, шляпа и палка, которой француз разгребал листья.

Пока Хитрово-Квашнин и члены временного отделения суда бегло знакомились с местом преступления, штаб-лекарь поправил очки на носу и, опустившись на колени, стал деловито осматривать мертвое тело, заодно говоря:

– Убитый лежит на прогалине, с восточной стороны которой просматриваются поля и сады Нижней Абловки и часть усадьбы поручика Чернова. Лежит навзничь на земле указанного помещика в двух шагах от вельяминовской межи и в трех шагах от абловской... На груди и верхней части живота двенадцать ножевых ран. Записал?

– Записал, – отвечал секретарь земского суда Соболевский, контролируя подканцеляриста, размашисто водившего пером по листу.

– Колотые раны нанесли вред внутренним органам, став причиной сильного кровотечения. Три удара пришлось в область сердца. Видите? – обращался врач к понятым, крепостным мужикам в посконных рубахах, широких портах и лаптях.

– Видим, батюшка, как не видеть? – говорили бородачи, степенно кивая головами. На самом деле они почти не глядели на убитого. Бог с ним! Весь в крови, сердешный, так и тянет отвернуться! Вот невзгода! Дома дел неспорно: кому стога метать, кому овин крыть, кому на мельницу ехать. Скорей бы отпустили!

– Один удар пробил грудную клетку и вошел в сердце, – продолжал Вайнгарт. – Орудием убийства послужил, вероятно, карманный нож, зажатый в правой руке преступника. Француз пытался отбиваться, порезы на руках с повреждением мягких тканей ясно говорят об этом... Остается сказать, что жизнь бедняги оборвалась около восьми часов утра. Вот, пожалуй, и все... Хм-м, в связи с этим вспоминается один случай, имевший место в окрестностях Москвы много лет назад. Тогда я был привлечен властями освидетельствовать тело корнета Куликовского, тамошнего землевладельца. Смерть молодого человека тоже приключилась в роще, только пронзили его не ножом, а вилами. На ум расследователям приходили разные соображения. Они предположили, что его могли лишить жизни его же крестьяне в отместку за позор своих дочерей. Лихой корнет, следует отметить, был большим охотником до крепостных девиц, до их свежей красоты. Увидит в поле или на других работах привлекательную девушку, та непременно окажется в его постели. Под подозрение подпали и благородные люди, поскольку нагловатый Куликовский позволял себе напропалую флиртовать с замужними дворянками. Да если б только флиртовать!.. Женщины не знали, куда деваться от настырного уха-жера. Мужья побаивались связываться с разухабистым Ловласом: на дуэлях тот стрелял без промаха. А однажды Куликовский взял и насильно увез жену мелкого помещика, помнится, титулярного советника Пехтурова. Подъехал по зиме на санках к небогатой усадьбе, подхватил прогуливавшуюся хозяйку на руки и был с ней таков! Что мог поделать несчастный титулярный советник?.. Пошел с поникшей головой к похитителю, стал просить его, умолять. Вернул жену только спустя несколько дней, испив чашу унижения до дна... Так вот, следствие длилось довольно долго, проверено и перепроверено было множество версий...

– Не тяните, Осип Петрович! – не вытерпел Зацепин. – Вот всегда вы так, медленным шагом, тихим зигзагом! Что вы, в самом деле? Кончайте!

– Экий вы нетерпеливый, Ардалион Гаврилыч!.. Ладно, убийцей, в конечном счете, оказался неженатый сосед Куликовского, штабс-ротмистр Лепетухин, проигравший ему в карты солидную сумму денег, что-то около пяти тысяч ассигнациями.

– Ишь, какой удалец! Вилы припас, мол, авось подозрение на крестьян падет.

– Примерно, так он и высказался, когда его взяли в оборот... А в другой раз мне пришлось выехать на место гибели приказчика одного крупного помещика. Он окончил свои дни в усадебном парке. Причиной смерти был удар ножом в сердце. Кто это сделал?.. Из каких побуждений?.. Кому вздумалось убить человека самой обыкновенной наружности, незлобиво-го, можно сказать, тихоню, сочинявшего незамысловатые стишки?.. Крестьян он не гнобил, работами сверх меры не обременял. С помещиком, приверженцем взглядов английского экономиста Адама Смита, был в ровных отношениях, тот ценил его за деловую хватку, честность, добропорядочность. Нашел приказчик общий язык и с молодой хозяйкой имения, не имел никаких проблем с соседними землевладельцами. Так кто же поднял на него руку?.. Кто пролил кровь?..

– Опять, Осип Петрович! – возмутился Зацепин. – Что вы, право, за человек? Размазываете, ни везете, ни едете!..

– Хорошо, хорошо, нашли убийцу. И знаете, кто учинил расправу над бедным приказчиком?.. Его же хозяин, тот самый помещик! Вот так-то. Обличила лиходея запись в дневнике, который велся им с юношеских пор. До сих пор помню следующие строки: «Трет. дня нашел в доме записку с откровен. мадригалом, посвящ. моей супруге. Автор стишков явно перешел границы дозволенного. Вчера увидел, как Наденька посылает воздуш. поцелуй пр-ку. Так вот кто автор мадригала! А, может, я уже числюсь в рогоносцах?! О, подлость людская!.. Death to the scoundrel!» То есть, смерть негодяю!

Когда эта запись была найдена, помещик не стал отнекиваться и юлить, признался, что смертельный удар в сердце служителя нанес именно он. Совершить столь отчаянный шаг его заставили ревность и обостренное самолюбие... Вот такие разыгрались страсти в отдельно взятом имении... Ну, довольно воспоминаний. Кто, господа, намерен взглянуть на тело?

Первым желание изъявил Хитрово-Квашнин. Обследовав раны, он дотошно изучил одежду убитого, взглянул на часы и украшения, проверил карманы, что-то поднял с земли. Потом над трупом склонился, сопя и отдуваясь, Иванов, за ним – Зацепин. Последним осмотрел несчастного француза Беклемишев.

– Тело можно забирать с места преступления! – скомандовал старший заседатель, прикладывая к взмокшей шее носовой платок. – Нечего ему здесь валяться.

– Куда прикажите везти убиенного, ваша милость? – спросил приземистый рыжий крестьянин, выставив перед собой носилки.

– А-то не знаешь! – рявкнул Иванов неприятно-резким тоном. – В усадьбу Черновых, где он и обретался все последнее время!

– Виноват!.. Известно, дело мужицкое, темное... Где нам знать...

– Не рассуждать!

Крепостные погрузили мертвого на носилки и, косясь на ершистого поручика, поспешили прочь с прогалины к стоявшей на обочине лошади с телегой. Вайнгарт снял очки, проморгался и посмотрел на старшего заседателя.

– Что скажете, Панкрат Фомич?

Тот скривил губы и демонстративно хмыкнул.

– Тут и гадать нечего, француз поплатился за свое волокитство. До Петродара доходили слухи, что он уж больно развязан с замужними дамами. Россия не Франция, у нас с этим строго.

Губы доктора тронула едва заметная усмешка, и он, методично протирая очки носовым платком, перевел взгляд на Хитрово-Квашнина.

– Ваше мнение, Евстигней Харитоныч?

– Я бы не стал делать скоропалительных выводов, – сказал штабс-ротмистр, подняв с земли палку несчастного грибника. – Расследование покажет. На данный момент скажу: на Сирро, зашедшего в рощу по грибы, напал человек, вооруженный карманным ножом. Удары наносились, как попало. Может, в дикой злобе и ярости, может быть, из мести. Нельзя исклю-

чать нападения сумасшедшего. Убийцей вполне могла быть брошенная или обманутая женщина или девушка. В этом случае силы представительниц слабого пола утраиваются... Теперь про следы. На поляне остались лишь те, что оставил убитый. Ни одного следа убийцы – они тут, конечно, были, но тщательно уничтожены... И вот что важно, простые люди, очевидно, к преступлению не причастны. У жертвы ничего не взято, ни браслета, ни часов с золотой цепочкой, ни фляжки с коньяком. – Внимательно осмотрев острый конец палки, он бросил взгляд на Аблова. – Надо бы поговорить с вашими девицами, Филипп Елизарыч.

Помещик сделал знак дворовым девкам, тихо стоявшим в тени высокой березы. Обе носили длинные косы, были в платках из набивного ситца, домотканых светлых сарафанах и лаптях.

– Как вы обнаружили тело? – резко спросил Иванов, шагнув им навстречу. – Говорите!

Девушки замерли на месте и прижались друг к дружке. Хитрово-Квашнин недовольно покачал головой.

– Панкрат Фомич! Девицы робки, пугливы, а вы с ними, словно с рекрутами. Отойдите в сторонку!.. Ну и, как звать-величать вас, красавицы?

– Марфа я, – представилась темноволосая.

– Стефанида, – потупила глаза ее русоволосая подруга.

– В каком же часу вы пошли по грибы?

– Раненько, – произнесла менее застенчивая Марфа, – А в каком часу, не ведаем. Долго ходили по роще от одной полянки к другой, от пенечка к пенечку. Набрали разных грибов: подберезовиков, черноголовиков, подосиновиков, маховичков. Видим, лукошки уж полные почти, ну, и решили: дойдем до межи – и назад. Подобрались к ней, и тут такое увидели, что не приведи Господь! Человек лежит на траве весь в крови! Страсть, как боязно, но подступаем ближе и видим, что это француз местный, Иван Иванович Серов. Развернулись со Стешей, и бежать со всех ног к барину!

– Никого поблизости не видели? – грубовато спросил у девиц Иванов. – Может, что слышали?

Те отрицательно покачали головами. Аблов, дымя трубкой, посмотрел на Хитрово-Квашнина.

– Девиц можно отпускать, Евстигней Харитоныч?

– Пожалуй, нужды в них, вероятно, больше нет.

– Как это?! – возразил Иванов. – Они еще могут пригодиться... И хватит вам здесь распоряжаться, господин Хитрово-Квашнин!

– Вам мало только что состоявшегося разговора? – штабс-ротмистр, бросив палку на землю, строго взглянул на старшего заседателя. – Что вы еще хотели у них узнать? Ну, задавайте свои вопросы?.. Не имеются?.. Пусть идут, Филипп Елизарыч!

Старший заседатель открыл было рот, но так ничего и не сказал. Отвернувшись, он стал нервно разглаживать пятерней свой не первой свежести мундир. По знаку Аблова девушки взялись за руки и резво побежали с поляны прочь. Их сарафаны светлыми пятнами замелькали среди зелени деревьев. Иванов сплюнул на трухлявый пенек, что-то буркнул себе под нос и бесцельно зашагал по прогалине.

– Отойдем на пару слов, Филипп Елизарыч, – предложил исследователь Аблову.

Два дворянина, оттрубившие не один срок в земских исправниках, двинулись в сторону раскидистой березы. Аблов твердой походкой шел впереди. Хитрово-Квашнин, шагая следом, отметил, что к своему внешнему виду местный помещик относился, мягко говоря, небрежно. Каблуки его сапог были стоптаны, кафтан потускнел, на истертом, засаленном по краям обшлаге рукава не хватало пуговицы.

– Знаете, убийца все-таки оставил следы, – проговорил штабс-ротмистр, оказавшись в спасительной тени.

– Что вы имеете в виду?

– Ометины от трости и вот это. – Хитрово-Квашнин раскрыл ладонь: на ней лежал небольшой окурок сигары.

Аблов хмыкнул и дотронулся до окурка пальцами.

– Вы хотите знать, кто из местных господ прогуливается по округе с тростью в руке и курит сигары?.. Вельяминов, больше некому.

Хитрово-Квашнин, погладив кончики усов, задумался. Затем поглядел сквозь листву на мелкий овраг, изгибом подступавший к краю рощи.

– Вихляевка, – объяснил Аблов, проследив взгляд расследователя. – Сухая балка, выходит к речке чуть севернее Нижней Абловки.

– А там что виднеется?

Хитрово-Квашнин вытянул руку в сторону сельца, на блестящую вдаль в лучах яркого солнца красную кровлю.

– Флигель Елизаветы Артемьевны Чирковой, свояченицы помещика Чернова.

– Да?.. Все еще в девицах?

– Пережив утрату жениха, так и не вступила в новые отношения. Видно, это была настоящая любовь.

– Помню, мичман Головнин к ней сватался. Погиб в море, бедняга... Ей сейчас, поди, уже за сорок.

– Точно сказать не могу, где-то так.

Хитрово-Квашнин кивнул и с прищуром взглянул на широкоплечего поручика.

– Филипп Елизарыч, раньше или позже, но без этого не обойтись... У вас были какие-нибудь недоразумения с Сирро?

– Правильно сделали, что спросили, расследование есть расследование, – сказал Аблов, чуть улыбнувшись. – Недоразумений с французом не возникало, и знаете почему?.. Потому, что у меня с ним не было никаких отношений. Что он мне?.. Театров я не завожу, к познаниям языков равнодушен, ни к чему мне и его уроки танцев.

– Что ж, логично... Однако задам еще один вопрос. Где вы были вчера около восьми утра?

– С лакеем Васькой на берегу Самовца. Люблю, знаете, поутру рыбу удить.

Штабс-ротмистр заметил, как к прогалине, держа во рту сигару, приближается худощавый человек средних лет в двубортном сюртуке со стояче-отложным воротником, жилете, панталонах и полуботинках. На его голове элегантно сидела охотничья шляпа с двумя перьями дятла. Он помахивал на ходу тростью, впереди него, наспех обнюхивая землю, сновал каштаново-белый спаниэль.

– Кто это, по-вашему? Никак не разберу... Карицкий?.. Чернов? Или кто-то из Болотовых?

– Легко на помине!.. Вельяминов собственной персоной!

Хитрово-Квашнин с любопытством взглянул на Аблова.

– Вижу, он вам явно не нравится.

– Юлить не стану, не нравится. Не по нутру мне, простому русскому помещику, эта его любовь к англичанам. Курит сигары, вставляет в разговор английские словечки, едва ли не каждое утро овсянка на столе. Тьфу!.. Да и земельный конфликт у нас с ним не улажен.

В голове у Хитрово-Квашнина всплыла остроумная эпиграмма Сирро на Вельяминова: «Звать его Роман, отчество – Иваныч, а по мне, так Англومان Великобританыч».

Через минуту один из самых состоятельных помещиков уезда вышел на поляну и, сняв шляпу, поприветствовал всех легким полупоклоном. Выразительное лицо коллежского асессора с карими глазами и тонким носом с небольшой горбинкой сначала обратилось в сторону штаб-лекаря, а затем штабс-ротмистра.

– Рад новой встрече, Осип Петрович, – прозвучал мягкий баритон. – Евстигней Харитоныч, it's ages since last we met! Сколько лет, сколько зим!.. Мы не виделись с тех самых пор, когда я был в наших краях уездным судьей, а вы – капитаном-исправником! Вот, наконец, и представился случай, правда, не совсем подходящий. – Он вынул сигару изо рта, подошел к месту преступления и оглядел его с печальным видом. – И кто же на беднягу посмел поднять руку? Зачем? С какой стати?.. Ведь, в сущности, это был совершенно безобидный человек, а harmless person.

Иванов угодливо улыбнулся богатому землевладельцу.

– Временное отделение нижнего земского суда за тем и послано сюда, Роман Иванович, чтобы разобраться с убийс...

Громкий собачий визг оборвал его речь на полуслове. Пес, коему он нечаянно отдал лапу, в отместку вцепился зубами в голенище ялового сапога.

– А-а-а, ногу мне прокусила, чертова шавка! – взвыл от боли Иванов, запрыгав на одной ноге.

– Джек, фу! – замахал руками Вельяминов. – Come! Ко мне!

Спаниэль отскочил от обидчика, пару раз тявкнул на него и послушно сел возле хозяина.

– Good boy! – похвалил тот и бросил недовольный взгляд на поручика. – А вы, сударь, тоже хороши! Смотреть надо, куда ступаете!.. Пес у меня умный, а вы на него сапожищем! Смотрите! Джек, sit! – Животное послушно село. – Dawn! – Пес улегся. – Bark!

Спаниэль вскочил и залаял на поручика с новой силой.

– Каково! – воскликнул Вельяминов и, погладив голову собаке, повернулся к штаб-лекару. – Осип Петрович, будьте так любезны, уделите внимание укушенной ноге заседателя.

Хитрово-Квашнин перебросился взглядом с Абловым и, встав перед бывшим уездным судьей, ровным голосом произнес:

– Роман Иванович, позвольте взглянуть на вашу трость.

– Что? – переспросил Вельяминов. – Трость?.. Пожалуйста.

– Хм-м, – пробормотал штабс-ротмистр, изучив наконечник. – Возьмите ее обратно... Скажите, вы носите с собой карманный нож?

– Да, вот он...Постойте, уж не подозреваете ли меня?.. Если так, то совершенно напрасно!.. Во-первых, убийство случилось ранним утром, а мы с супругой поздние птички, во-вторых...

– Увы, Роман Иванович, под подозрением каждый местный дворянин и каждая дворянка.

– Ну, надо же!

– Ваш? – Хитрово-Квашнин извлек окурочек из кармана. – Лежал возле трупа.

Вельяминов даже бровью не повел.

– Это ни о чем не говорит, в роще полно окурков от моих сигар! Все просто.

Зацепин подступил к бывшему уездному судье и с подозрением взглянул ему прямо в глаза.

– Полно окурков, говорите...

– Что?.. Что такое? Я часто прогуливаюсь здесь.

Поручик отступил на шаг, но на его лице читалось абсолютное недоверие. Он подозревал богача и делал это открыто. Тот смерил его взглядом и повернулся к Хитрово-Квашнину.

– Что там со следами от трости, Евстигней Харитоныч? Выяснили?

– Склоняюсь к мысли, что отметины здесь оставила не трость, а заостренная палка, которой Сирро разгребал листья и траву. Вон она лежит, на месте преступления.

– Ну, вот!.. А как насчет ножа?

Расследователь поманил к себе штаб-лекаря, и оба внимательно осмотрели короткий клинок.

– Что скажете, Осип Петрович?

– Определенная схожесть есть, – признал Вайнгарт. – Но чтобы назвать складной карманный нож Романа Ивановича орудием убийства, этого недостаточно.

Вельяминов многозначительно посмотрел на Зацепина и картинно покачал головой.

– Одна-а-ко!.. Кстати, о временном отделении суда. Приглашаю вас всех, господа, расположиться на время следствия в моем Приюте. Имею право, мертвое тело, как видите, лежит не на моей земле. Гостевой флигель к вашим услугам. Welcome!.. Филипп Елизарыч, – обратился он к Аблову, собравшемуся уходить. – У меня в имении организуется небольшой обед. Приглашаю и вас принять в нем участие. Без церемоний и перемены платья. Право, довольно нам дуться друг на друга!

ГЛАВА 3

Вельяминовское имение располагалось к юго-западу от Нижней Абловки, в менее, чем полуверсте от рощи. Господский дом представлял собой крытое железом одноэтажное каменное строение с мезонином. Под тремя окнами последнего красовался классический портик с четырьмя колоннами и балюстрадой из небольших фигурных столбиков. По обе стороны от особняка возвышались два крытых тесом деревянных флигеля.

На парадном крыльце в окружении лакеев и служанок стояла привлекательная женщина. Среднего роста, стройная, светловолосая с большими карими глазами в обрамлении длинных ресниц и тонким чуть вздернутым носиком, она держала за руку девочку лет пяти-шести, уменьшенную копию самой себя. Мать была одета в бежевое шелковое платье с высокой, под грудь, талией, дочка – в голубое платьице и панталоны, сплошь украшенные узорами и вышивкой.

«Анфия Вельяминова в самом деле хороша», – подумал Хитрово-Квашнин. – Чудо, как хороша!»

Он отметил, что такого же мнения придерживались и Соколовский с Абловым.

– Папа, ты принес мне цветочки? – стесняясь приезжих, пролепетала девочка.

– Принес, мое солнышко! – улыбнулся Вельяминов, доставая из кармана букетик васильков. – Как и обещал, луговые... Феечка, голубушка, твой наказ исполнен, – повернулся он к супруге. – Господа любезно согласились на время проведения следствия пожить в нашем имении. Их всех ты более или менее знаешь, кроме одного. Знакомся, Евстигней Харитоныч Хитрово-Квашнин, наш бывший капитан-исправник, владелец имения в юго-западной части уезда.

– Очень приятно, – раздался бархатистый, несколько грудной голос. – Наслышана о ваших расследованиях в Отраде и Петродаре, Евстигней Харитоныч. У вас настоящий талант!.. Что ж, прошу в наши хоромы, господа. С дороги следует немного отдохнуть, выпить прохладительных напитков. Затем мы переместимся в парк. Роман Иванович был так уверен, что вы станете нашими гостями, что я приказала накрыть столы на свежем воздухе и приготовить барашка на вертеле. Увы, грустный повод привел вас в наши места. Хочу заверить, что гибель Сирро для здешних дворян – огромная, невосполнимая утрата.

Передав дочку гувернантке, она сделала рукой приглашающий жест.

– Как здоровье, Тихон? – спросил штаб-лекарь, проходя мимо высокого пожилого слуги с вытянутым худым лицом и полуседыми кустистыми бровями.

– Скриплю помаленьку, Осип Петрович, – осклабился тот.

– Дай-то Бог!

Хозяева провели гостей по парадным комнатам, обтянутым штофом в тон с обивкой мебели. Интерьер особняка ясно говорил о том, что у Вельяминовых имелся достаток. С потолка бального зала свисала большая хрустальная люстра, простенки гостиной, столовой и библиотеки были обгорожены большими зеркалами с подзеркальниками, заставленными разного рода безделушками. По углам со стеклянных тумб входящим улыбались бронзовые

купидоны, стены украшали позолоченные канделябры, столы с мраморными накладками – фигурные жирандоли.

«Подобное изящество встретишь только в Отраде у Извольских», подумалось Хитрово-Квашнину.

В кабинете англомана царил примерный порядок. Пол был застлан шотландским шерстяным ковром, на стенах висели гравюры Уильяма Хогарта, часть стола занимал сервиз из тонкого английского фаянса. Полку одного из книжных шкафов отягощали тома Даниэля Дефо, Вальтера Скотта, Анны Рэдклифф и других сочинителей Великобритании в оригинале.

«Из русского здесь, пожалуй, только портрет жены да карта Российской империи», усмехнулся про себя штабс-ротмистр.

– А вот этот английский рожок мне подарил лорд Борнмут в Санкт-Петербурге, – отметил не без доли гордости хозяин, указывая на музыкальный инструмент, покоившийся на секретере. – Нас познакомили в Английском клубе. Любопытно, что в тот вечер среди его посетителей были баснописец Крылов и поэт Пушкин. Первый прочитал одну из своих басен, «Волк и кукушка», кажется, а Пушкин – отрывок из «Евгения Онегина»... Вот это:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила;
Глаза, как небо, голубые,
Движенья, голос, легкий стан...

Очаровательные стишки! Надо отдать Александру Сергеичу должное. Но поэзия лорда Байрона, на мой взгляд, глубже, ярче, трогательней...

– Сравнить поэтов и их творчество бессмысленно, – заметил Хитрово-Квашнин. – Оба гениальны, у обоих прекрасные стихи!

– Не забудьте только, что Пушкин в молодые годы боготворил Байрона, ничуть не стесняясь подражать ему. Но не будем спорить об этом... В тот вечер мы с Борнмутом поговорили об Англии, вспомнили ее писателей и выдающихся деятелей, таких, как Дэниэль Дефо и адмирал Нельсон. Сыграли на бильярде, засели за карты. За карточным столом, между прочим, лорд признал, что у меня превосходный английский.

Он вытер платком губы, поднес к ним рожок и продудел незамысловатую мелодию.

– Замечательная вещь, не правда ли? Что-то пастушье, пасторальное слышится в мягком и густом звучании. Оно извлекается, благодаря длинному корпусу английского рожка... А вот здесь сигары, доставляют их мне из Москвы, из Английского клуба!

На секретере лежало несколько бумажных коробок с красочными изображениями. Вельяминов открыл одну из них с названием «Кабаньяс и Карвахаль», взял сигару и поднес ее к носу.

– What a fragrance! Какой аромат!.. Просто чудо!

– Можно взглянуть на сигары? – произнес Зацепин, позабывший про свои подозрения к хозяину имения. – Так и хочется понюхать их!

– Пожалуйста, берите в руки!.. Каково?.. Это ж восторг, умиление!..

– Довольно томить наших гостей, дорогой, – вмешалась Анфия Саввишна, коснувшись руки супруга. – Они устали с дороги, им надо освежиться. Пройдем в диванную, господа.

Усадив гостей в просторной комнате на заваленные подушками диваны, сами хозяева опустились на стулья с высокими резными спинками. В комнату вошли два лакея с подносами. Кто-то из дворян протянул руку к стакану с узваром, кто-то к кружке с ледяным квасом, штабс-ротмистр и штаб-лекарь с удовольствием испили прохладного лимонада. Когда все удовлетво-

рили жажду и немного поговорили о ничего не значащих вещах, в диванную вошел слуга в безупречной сиреневой ливрее и провозгласил сакраментальное:

– Кушать подано!

– На выход, господа, на выход! – оживился Вельяминов, потирая руки. – Ручаюсь, вид пищи на свежем воздухе разожжет аппетит у каждого!

– Только не у Иванова, – ухмыльнулся Зацепин, кивая на старшего заседателя.

Маявшийся с похмелья поручик нахмурился и бросил на него взгляд исподлобья.

– Помолчал бы, ерник!

Грузно поднявшись с дивана, штаб-лекарь оправил свой чистенький мундир и, многозначительно подняв указательный палец, изрек:

– Еда, даже самая незамысловатая, всегда вкусней вне стен дома. И тому есть объяснение...

– Да что там объяснять, Осип Петрович? На воздухе и краюха черствого хлеба с чаем настоящее лакомство! – махнул рукой секретарь Соболевский, встав на ноги.

– Мой аппетит, увы, возбудить будет крайне сложно, – вздохнула хозяйка, беря под руку супруга. – Кончина учителя танцев была так внезапна, так необъяснима, что мне посейчас не до еды и не до лакомств... Извините, господа, все к вилкам да ложкам, а я о своем, о грустном.

Большой стол был накрыт в ближней части парка за господским домом, где росли липы. На нем стояли тарелки с салатами и винегретом, блюда с жареным на вертеле барашком, дичью, запеченной в сметане рыбой, графины и бутылки. Когда приглашенные, осенив себя крестным знаменем, расселись по местам, слово взял Вельяминов:

– В виду того, что это не званый обед, а что-то вроде пикника, сиречь трапезы на природе, то еда и напитки поданы все вдруг. Посему и тост за здоровье государя-императора, который обычно звучит после третьей перемены блюд, произнесу сейчас же. Это будут стихи, которые запали мне в душу:

О, Николай, народов победитель,
Ты имя оправдал свое! Ты победил!
Ты, Господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов его смирил...
Твоя душа мирской не жаждет славы,
Не на земное устремлен твой взор,
Но тот, о царь, кем держатся державы,
Врагам твоим изрек их приговор...

После сих высокопарных слов все дружно подняли бокалы, выпили и принялись за еду. Особенно налегли на кушанья подканцеляристы на дальнем конце стола. Они стали хватать со скатерти все подряд, особо не заботясь о правилах приличия. Охладил пыл проголодавшихся юнцов грозный взгляд начальника, Марка Ивановича Соболевского. Они вмиг изменили поведение, опустив глаза долу.

Вельяминова ела без охоты, словно ее заставляли. Под стать ей был и Иванов, он почти не притрагивался к пище, а если что-нибудь и клал в рот, то жевал так, что со стороны казалось, будто он вот-вот плюнет под стол.

– Панкрат Фомич, уж не захворали вы? – обратился к долговязому старшему заседателю Вельяминов. – Не касаетесь настойки, нос воротите от еды, словно уже объелись. Ладно, моя супруга, она с утра не в духе из-за известных обстоятельств, с вами-то что?

Поручик заерзал тощей задницей на стуле и попытался улыбнуться.

– Аппетита, знаете ли, совсем нет, Роман Иванович.

Сидевший возле Хитрово-Квашнина Зацепин приставил ладонь ко рту и что-то сказал хозяину имения. Тот с ухмылкой закивал головой.

– Вот оно в чем дело... Мой вам совет, Панкрат Фомич: хлебните капустного рассола да усвойте рюмку-другую анисовки, ее у меня отлично готовят. В ней, как положено, семена аниса, цедра, небольшое количество тмина. А какое послевкусие!.. Можете усугубить винца, оно куплено в Петродаре, в лавке купца Трафимова. А то ведь с похмельем шутки плохи! Небось, дятлы стучат в мозгах, а?

– Есть такое дело... И впрямь, рюмку-другую оно, кажется, можно, а больше – ни-ни! Савва Афанасьич больно строг, ответ пред ним держать придется... А рассол никогда не помешает, это уж известно.

– Терентий, рассолу! – приказал Вельяминов ближайшему слуге.

Юркий парень со всех ног кинулся к леднику и вернулся с запотевшей кружкой холодного напитка. Иванов вздохнул, еще раз перекрестился и в быстрой последовательности опрокинул внутрь две рюмки анисовки. А затем, крикнув, с удовольствием приложился к упомянутой кружке.

– Ну, вот и прекрасно! А то сидите, будто в воду опущенный... Как, кстати, ваша нога?

– Побаливает. Собачка ваша недурно приложилась.

– It's nothing, it will pass. Это ничего, пройдет. Джек мог и посильнее хватануть, по полной форме... Анфия, голубушка, – Вельяминов склонился над ручкой супруги и поцеловал ее, – развейся ты, наконец, улыбнись, попробуй кусочек рыбки или барашка. Жаль Сирро, понимаю. Он был тебе дорог, ты училась у него танцам, играла с ним у Карицкого на сцене. Но что делать? Его уже не вернуть к жизни. Будем уповать на то, что господа расследователи выйдут на след убийцы, изболчат его... А, знаешь, у них под подозрением все местные дворяне, включая и нас с тобой.

– Это правда? – округлила большие глаза хозяйка, обратившись к Хитрово-Квашнину.

Приложив к губам салфетку с вышитым гербом Вельяминовых, тот с расстановкой ответил:

– Начало расследования, сударыня, показывает, что простой люд не причастен к гибели француза.

Дворянка сделала глоток морса и глубоко вздохнула. На точеные привлекательные черты легла тень легкой печали.

– Сирро был милым, приветливым человеком, единственным образованным французом, которого я когда-либо знала... Да, он учил меня танцевать, играть в им же поставленных спектаклях! Это был прекрасный собеседник! С ним нельзя было соскучиться, он всегда мог найти тему для разговора... Схватите убийцу, Евстигней Харитоныч! Негодяй, кто бы он ни был, должен понести заслуженную кару!

– Сделаем все возможное, сударыня. Я со своей стороны приложу максимум стараний... Анфия Саввишна, ваш супруг обмолвился, что вы поздно встаете. Это так?

– Грешна, люблю по утрам понежиться в постели. С этим ничего нельзя поделать.

Штабс-ротмистр кивнул, доел запеченного в сметане карпа и бросил взгляд на блюдо с кусочками жареного барашка. Явилось непреодолимое желание воздать ему должное, что и тотчас было исполнено. Его пример не замедлил подхватить штаб-лекарь. Канцеляристы, воспользовавшись ослабевшим надзором со стороны начальника, снова стали хватать все, что подвернется под руку. Но, страшась навлечь на себя его гнев, делали это большей частью украдкой. Соболевский, Аблов, Зацепин и Беклемишев сугубое внимание уделяли дичи – перепелам, бекасам и вальдшнепам.

– Расскажу-ка я вам, господа, как взял на днях сих вальдшнепов, – проговорил Вельяминов, указывая на блюда с дичью. – У меня в поместье есть низинка, а в ней березнячок, одним концом в приболот упирается. Так вот вальдшнеп или sluка, как называют у нас сего лесного

кулика, там кормится лето напролет. И в том березнячке есть небольшая просека. На нее-то я и встал третьего дня к вечеру с ружьем. Джек у ног сидит, я его в кусты не пускаю – толку никакого! Полезет в гущу, ты – за ним, а в результате: we got nothing, ни шиша! Слука, может, и взлетит, да только ты и ружья в чашобе вскинуть не успеешь. Ну, так вот, вижу, солнце за лес садится. Ага, думаю, время на подходе, пора взводить курки. С минуты на минуту кулик произведет свой вечерний вылет на кормежку. И точно, первый выпархивает из перелеска и летит мимо меня по просеке! Вскидываю ружье: ба-бах! Точнехонько!.. Подбитая птица падает вниз и шуршит в кустах опавшими листьями. Search, даю команду Джеку, ищи! Опять беру ружье наизготовку. До сумерек времени предостаточно, авось, настреляю дичи. Глядь, второй кулик летит над просекой. И этого я в той же манере укладываю на землю. Только зарядил, как появляется третий кулик и, можете себе представить, садится на просеку прямо передо мной, на самом виду. Когда случается такое, тут главное не медлить. Кто охотился на слуку, тот знает: присевшая птица тут же стремится перебежать в сторону! Стреляю, но не совсем удачно... Слука шаст в кусты, я в ажиотаже вместе с Джеком за ней. Сцапали! Только шляпу охотничью где-то в кустах оставил. Ничего, у меня этих шляп целая куча!.. Вот как оно, господа, все было.

Охотник на пернатую дичь умолк и разжег с помощью слуги трубку. Заметив, что Иванов тянет ко рту не то третью, не то четвертую рюмку, он насмешливо покачал головой.

– Панкрат Фомич, вам не кажется, что вы увлеклись?

– Самую малость, Роман Иванович. Это ничего, не обращайтесь внимания.

Вельяминов хмыкнул и, выпустив клуб дыма, с задумчивым видом откинулся на спинку стула.

– Я вот прикидываю, кто из местных помещиков или их жен мог бы поднять руку на француза, – проговорил он, обратив взор вдаль. – Матвеевские?.. Нет, they wouldn't harm a fly, они и мухи не обидят, у них только лошади на уме да скачки. Да их и не стоит брать в расчет, в Петродар уехали вчера, на торжество к губернскому секретарю Горелову, вернутся только сегодня к вечеру... Карицкие?.. И их никак не привяжешь к случившемуся кровопролитию. Черновы?.. На кой черт им смерть Сирро? Живут тихо, в благонравии, непрестанно в церковь ходят всей семьей. Болотовым это тоже ни к чему, can't make ends meet, им бы свести концы с концами. Крестьян – кот наплакал, мелких денег, что называется, нет, а крупных никогда и не водилось. Да они с французом-то, по сути, не общались. What for, зачем?.. Мой сегодняшний гость Аблов? И ему не зачем устранять Сирро? Да он и знать-то его не знал... Сабо? С какого перепугу капитану-исправнику и его супруге убивать француза? Нелепица!.. Остаются Потуловы, но им ни до чего дела нет, по уши погрязли в дрязгах и спорах из-за подаренной бабкой куртинки леса, сенокосного луга и двух мелких прудов со сторожками. Между собой не знают, даже на церковных службах стараются держаться подальше друг от друга. Меня попросили в посредники. И знаете, где состоится любовный раздел благоприобретенных бабкой владений? На нейтральной территории, в усадьбе их родственниц, дочерей покойного Данилы Иваныча Потулова... Евстигней Харитоныч, не соблаговолите ли вы поприсутствовать на разделе?

– Хорошо, – кивнул штабс-ротмистр. – Заодно задам Потуловым кое-какие вопросы.

– Хочу сказать, что вчера в наш суд заглянула подпоручица Щеглова, – вступил в разговор Соболевский, обсасывая тонкую косточку. – Клеопатра Фирсовна, между прочим, сообщила, что кухни ее, Марья Даниловна Сахарова и Анна Даниловна Кирсанова, решили, наконец, навестить родные места. На днях нагрянут.

– Почитай, годков семь, как они отбыли из наших мест, – сказал Вельяминов. – Вспоминаю о них только тогда, когда проезжаю мимо их имения.

– Ты, дорогой, как-то рассказывал мне о них, – коснулась руки мужа Анфия Саввишна. – Где они живут, запомновала?

– Кажется, во Владимирской губернии, – ответил ей супруг и посмотрел на Соболевского. Тот кивнул.

– Так и есть, их мужья состоят во дворянстве Переславльского уезда... Да-а, давненько они не заглядывали на родное пепелище. Оно понятно, ни матери в живых, ни отца, с родственниками в не очень теплых отношениях. Но я хочу сказать: вот что значит иметь в дальних владениях порядочного управителя! И ездить никуда не надо. Здешнее имение хоть и небольшое, но прибранное, доходы с него поступают регулярно, без проволочек и утайки. Заседатели ни разу не заглядывали туда. Зачем? Недоимок-то нет!

– Этот управитель и пригласил Потуловых уладить имущественный спор в имении их кузин. Предвижу, завтра придется нелегко, но что делать, I made a promise, я обещал.

– Управителем у сестер тамбовский гвардии прапорщик Епифанов, – заметил Аблов. – В самом деле, честнейших правил человек.

– Скажете тоже! – пробормотал Иванов, покачиваясь на стуле. От принятого спиртного да на старые дрожжи он уже еле ворочал языком. – Человек как человек...

Хитрово-Квашнин вытер губы салфеткой и придвинулся к Аблову.

– Филипп Елизарыч, чует сердце, завтра от Иванова не будет никакого толку. Поэтому потребуется ваша помощь. Вы знаете всю округу, имеете опыт в расследованиях.

– Я готов помочь. Можете смело положиться на меня.

– Тогда приходите сюда завтра утром. Митрофан прокатит нас на бричке по усадьбам местных помещиков.

– Только я уж сразу в имение сестер. Оно недалеко от моего гнезда. Договорились?

– Как скажете.

Зацепин, уплетая паштет из бекаса, поинтересовался, ни к кому особо не обращаясь:

– И как же этот прапорщик ладит с соседями? Тут ведь такая чересполосица, что сам черт не разберется!

– Епифанов не скандалит, решает неурядицы мирно, полюбовно, – объяснил ему Соболевский. – Он у нас в суде на хорошем счету. Мы его совершенно заслуженно в пример другим управителям ставим.

– Скандалить и я не люблю, – сказал Вельяминов, с нежностью поглядев на супругу. – Мне это претит! Да у меня в последнее время и споров-то никаких нет.

– Ошибаетесь, – прозвучал ровный голос Аблова. – А как насчет Отлогой Ложбинки?.. Как насчет нее?

Лицо хозяина имения вмиг утратило благодушие, в карих глазах появился недобрый блеск.

– Вы опять за свое?!

– Вот именно, за свое!

– Нет, this amazing, это удивительно!.. Ведь, кажется, и спорить не о чем. Отлогая Ложбинка вот уже почти сто лет как наша. Ее приобрел прадед мой, секунд-майор Зиновий Вельяминов. Сколько можно втолковывать?

– Ну, да, приобрел! – ухмыльнулся Аблов, бросив вилку на стол. – Неправедно отнял! Мой прадед, прапорщик Семен Ильич Аблов, так об этом и написал в своем завещании. Вам дословно передать? Пожалуйста: «А ту Отлогую Ложбинку секунд-майор Зиновий Вельяминов усиленно отхватил у меня, раба божия Семена».

– Ваш пращур в конце своей жизни был... э-э... не совсем в себе. Мой батюшка так прямо и говорил об этом.

– Не совсем в себе?.. Вы лучше вспомните о безумии вашего деда. О нем знала вся округа! Говорят, корову за лошадь принимал, все пытался накинуть на нее седло, Орликом называл. А еще...

– Филипп Елизарыч! – громко стукнул ладонью по столу хозяин имения. – Это переходит всякие границы! Я бы вас попросил!

Вельяминова положила руку на плечо супруга, пытаясь его успокоить. Аблов резко встал и, выйдя из-за стола, недружелюбно бросил:

– Спасибо за хлеб, за соль!

Учтиво поклонившись Анфии Саввишне и кивнув Хитрово-Квашнину, он решительно натянул на голову картуз и направился к господскому особняку.

– Вот так всегда, – поджал губы Вельяминов, буравя взглядом спину удалявшегося помещика. – Чертов медведь!.. Пригасил его, думал за этим столом найти общий язык, сгладить углы, наладить отношения... Ну, Бог с ним!

Он выпил рюмку настойки, немного успокоился и посмотрел на светловолосого корнета.

– И как только твой дядя, Владимир, находит с этим увальнем общий язык?

– Они однополчане, – пожал плечами молодой человек. – Вместе несли тяготы армейской службы и прочее.

– Понятно, но лишь отчасти...

Слова эти потонули в грохоте посуды. Причиной тому стало падение со стула Иванова, потянувшего за собой скатерть. Он попытался было встать на ноги, но, не преуспев в этом, с громким ругательством снова оказался на земле. Вельяминов дал знак слугам, и те спешно поволокли пьяного поручика вон из парка.

Трапеза продолжилась в уже более спокойной обстановке. Закончилась она, когда над вековыми липами стали сгущаться вечерние сумерки. Поблагодарив хозяев, Хитрово-Квашнин и члены нижнего земского суда встали из-за стола и отправились на ночлег в отведенные им комнаты гостевого флигеля.

ГЛАВА 4

Утро выдалось тихим и погожим, легкий ветерок едва-едва шевелил высокими травами. Корнет Беклемишев бодро шагал по грунтовой дороге, тянувшейся в полях к западу от Нижней Абловки. Настроение у него было превосходным. А все потому, что Хитрово-Квашнин, едва пробудившись, тет-а-тет поговорил с ним и дал по-настоящему важное задание: прогуляться вместе с одним из подканцеляристов до имения Матвеевских и провести опрос хозяев и слуг в отношении случившегося злодеяния.

Расчудесно!.. Его наконец-то вовлекли в расследование необычного, таинственного убийства! Выезды в пределы уезда по причине обнаружения мертвых тел, висельников и утопленников – дрянь, сущие пустяки! Трясешься в пыли верста за верстой в какой-нибудь глухой угол только для того, что б собрать крестьян для дознания да что б штаб-лекарь произвел вскрытие и сделал свое скучное заключение. И на этом все!

Пример: близ деревни Александровки, с полгода тому будет, местные крестьяне нашли мертвое тело незнакомого старика, одетого в рубище. Приезжаем временным отделением, производим осмотр. Признаки насильственной смерти отсутствуют, лицо странника светло, в глазах успокоение. Ясно, что скончался возле какого-нибудь питейного дома или крестьянского двора, а его потом взяли да и отвезли к межам Александровки, дабы избежать судебных дразг и расходов. Такое случалось не раз. Что ж, начинается дознание. В конечном счете, в протокол вносится следующий факт: «Неизвестный странник завершил земной путь у крыльца десятичного села Успенского Митрофана Иванова сына Клинцова, прося подаяния». И в конце: «Боевых знаков на нем нет, смерть приключилась ни от чего другого, как по воле Божией».

Где-то в начале июня у села Тынкова утонул однодворец. День-деньской болтался в нетрезвом виде на берегу реки с приятелями, песни пел, на траве валялся, а под вечер полез купаться. Не умея плавать, стал тонуть, звать на помощь собутыльников. Те решили, что он шутит, и махнули на него рукой. Бедолага в скорости пошел ко дну, только пузыри пошли по

поверхности воды. Приятели слишком поздно осознали, что происходит. Попытки откачать утопленника ни к чему не привели – тот отдал Богу душу.

А месяца три назад в одном селе, Кузьминке, кажется, едва ли не на одной неделе обнаружили два висельника. Мы – туда, и выясняем: один полез в петлю после семейной ссоры с братом из-за раздела имущества, другой, юнец еще совсем, покончил счеты с жизнью от того, что отец под праздник отказал ему в покупке новых сапог!

Более или менее интересный случай имел место в Ивановской волости. В мае месяце бурмистр одного из имений сел в лодку и поплыл на ней по пруду на глазах у местных рыбаков. На самой середине он вдруг перестал работать веслами. Посидел в раздумье несколько времени, а затем вытащил револьвер из-за пазухи и пустил себе пулю в висок. Из-за чего 40-летний управляющий лишил себя жизни таким странным образом, в лодке, на широкой глади пруда? Что толкнуло его на роковой поступок? Этот случай разобрать бы детально, выяснить все, но расследователь из нашего Иванова как из хряка балерина! Опросил двух-трех человек, почесал в затылке и заставил подканцеляриста черкнуть в протоколе: «Причин самоубийства дознанием не обнаружено».

А тут, в Нижней Абловке, настоящая загадка! Убит француз, учитель танцев и пения, любимец местных дам. И как убит?! На нем живого места нет, словно тот, кто лишил его жизни, потерял рассудок!.. Хм-м, Матвеевские... Причастны они хоть каким-нибудь боком к убийству?.. Посмотрим, заведем протокол дознания, озвучим нужные вопросы...

– И где же этот подканцелярист? – воскликнул Беклемишев, сбавив ход и поглядев через плечо. – Тут, говорит, за березняком передвижная пасека. Медком бы побаловаться... Попов, где тебя черти носят?!

За березами послышался вскрик, потом другой, а затем – треск сучьев. Через секунду подканцелярист опрометью выскочил из посадок и нагнал корнета. Его веснушчатое круглое, как глобус, лицо было перекошено от боли.

– Что стряслось? – ахнул Беклемишев.

– Пчелы налетели!

– Поделом дурню!.. Э-э, да они тебя и в шею... Не дай Бог отек начнется!.. Так, беги назад, к штаб-лекарю!.. Постой, хлебни немного водки. Говорят, помогает в таких случаях.

– Давайте скорей!

Попов жадно приложился к горлышку плоской фляжки, да так, что его пришлось окорачивать. Отдав переносную чернильницу с перьями и бумажными листами, он сорвался с места и помчался обратно к имению, только пятки засверкали.

Корнет проводил его взглядом, покачал головой и возобновил движение. Где-то через версту показался край той самой рощи, в коей было обнаружено тело француза. У петродарского тракта молодой заседатель остановился... Здесь, похоже, бедолага и свернул в рощу. Кто же исполосовал его карманным ножом?.. Нет сомнения, кто-то из дворян. Но мужчина или женщина?.. Погоди, времени полно, не пройти ли к той прогалине?.. Присмотреться без суеты к месту преступления, поискать улики. А вдруг обнаружится нечто такое, что даст основания изобличить убийцу!

Беклемишев кивнул своим мыслям и решительно шагнул в сумрак рощи. Едва заметная тропка привела его под тень раскидистой березы. Оставив у раздвоенного ствола чернильницу, гусиные перья и пустые бланки, он склонил голову и стал внимательно всматриваться в сухую траву. Его глаза пядь за пядью исследовали поляну, где случилось трагическое происшествие. Воодушевление было велико, оно придавало сил, обостряло зрение. Казалось, вот-вот приоткроется завеса тайны. Но через четверть часа азарт стал спадать, появились первые признаки усталости. Хм-м, ни-че-го!.. А что ты хотел? Улик? Хватит дурью маяться, корнет!..

Среди деревьев послышался шорох опавших листьев. Кто-то подходил к прогалине. Кто?.. И в этот момент в траве перед Беклемишевым что-то тускло блеснуло.

Проводив без четверти восемь корнета и подканцеляриста, Хитрово-Квашнин выпил холодного рассолу, прошелся по флигелю и постучался в комнату, отведенную Иванову. Ответа не последовало, и он толкнул дверь. В носшибанул сильный запах перегара. Старший заседатель, как есть в мундире и сапогах, лежал пластом на кровати и громко сопел носом.

– Панкрат Фомич, подымайтесь! – попробовал растолкать его штабс-ротмистр.

В ответ раздался всхрап, перешедший в невразумительное мычание.

– Хватит дрыхнуть, пора приниматься за дело! Беклемишев с Поповым уже перекусили в буфете и отправились к Матвеевским. Я с Вельяминовым и Соболевским еду к Потуловым, у Зацепина своя задача, вы могли бы нанести визит Сабо и Карицким... Вас зачем сюда вообще послали? Напиваться до полусмерти?

Иванов открыл глаза и попытался сфокусировать взгляд на том, кто так настойчиво не давал ему спать. Сделал он это лишь с грехом пополам.

– Не в силах я, Хитрово-Квашнин... Потом, как оклемаюсь.

Он оперся на локоть и, опустив руку к полу, достал из-под кровати большую бутылку. Сделав несколько глотков, вернул ее обратно и откинул голову на подушку. Тут же раздалось размеренное сопенье.

– Вот, черт! – наморщил нос Хитрово-Квашнин. – С утра успел водкой разжиться!.. И не добрым пенником или полугаром, а дешевой сивухой. Где он ее достал?

– Ну, теперь пойдет кваситься! – послышался знакомый голос.

Штабс-ротмистр оглянулся – в дверном проеме с ухмылкой на губах стоял Зацепин, рядом с ним – Соболевский. После вчерашнего застолья поручик был в полном порядке: одет в свой кавалерийский мундир, причесан и надушен. Секретарь нижнего земского суда облачился в сюртук черного цвета, коричневую жилетку и темно-серые панталоны.

– Панкрат Фомич, Панкрат Фомич! – качал он головой, поглядывая в сторону кровати. – И как же вам не надоест это непотребство?

– Утро доброе, – поприветствовал их владелец Харитоновки. – Ты прав, Ардалион Гаврилыч, не стоит ждать от этой колоды хоть какой-нибудь пользы... Твоя задача на сегодня: осуществить визиты во все местные дворянские усадьбы и опросить дворовых. Не все они, как показывает практика, стоят горой за хозяев. Наставлений давать не стану, сам все прекрасно знаешь. Да, у Аблова есть лакей Васька. Поинтересуйся у него, ловил ли вчера утром его барин рыбу на реке.

– Сделаем все, что полагается, Евстигней Харитоныч. Не извольте беспокоиться... Да, вчера вечером я прижал кое-каких вельяминовских слуг. Они показали, что господа вчера поутру поднялись в половине девятого... Но они могли мне и соврать. Ох, не верю я в невинность нашего Ромаши...

Хитрово-Квашнин приблизил свое лицо к лицу поручика и втянул носом воздух.

– Никак, шампанского хлебнул, Ардалион Гаврилыч?

– А я думаю, чем это от него пахнет, – повернулся к Зацепину Соболевский. – Не перегаром, нет, слишком много он вчера не пил. Шампанским, оказывается!

Зацепин в ответ широко улыбнулся, обнажив крепкие зубы.

– Люблю это дело! С вечера озадачил камердинера припасти для меня бутылочку на леднике. О, хорошо винцо пошло по жилам! Молодец, камердинер!.. А вот и он сам!

К дверям комнаты приблизилась высокая сухоощавая фигура в синей ливрее из тонкого сукна, коротких панталонах, белых чулках и черных башмаках с квадратными носами.

– Спасибо, Тихон, – поблагодарил старика Зацепин. – Шампанское – первый класс!

– Рад, что угодил вашему благородию, – с поклоном ответил тот. – Пожалуйста в столовую, судари. Барин уже там, вас ждут.

– Раненько Роман Иванович изволил подняться, – заметил Хитрово-Квашнин. – Сдержал обещание.

– Дык я их и разбудил. Ты, говорит, Тихон, непременно подними меня пораньше. Надо, мол...

Слуга, пробормотав еще что-то, провел дворян к столовой и с поклоном удалился.

Одно из самых важных помещений в особняке было довольно просторным. Ни шпалер, ни какого-либо штофа в нем наблюдалось. Во избежание впитывания всяких запахов, стены были выкрашены в приятный голубоватый цвет, на них пестрели красочные рисунки кисти дворового умельца, наделенного художественным вкусом. Пол покрывал блестящий паркет, углы были заставлены кадками с экзотическими растениями и деревцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.